

Глава 1

Утром в этот самый вторник Юдора Ханисетт слышит, как хлопает крышка почтового ящика. Ее сердце подпрыгивает в груди, но она заставляет его вернуться на место, и оно быстро спускается, точно проколотый воздушный шарик. Снова какая-нибудь почтовая реклама. Бесплезная макулатура. Пока Юдора с трудом встает, на шаривая свою трость и стараясь поймать равновесие, она в который раз удивляется привычке человека наполнять окружающий мир ненужным хламом. Водоемы забиты пластиком, свалки — сломанными всего за три года использования холодильниками, а ее придверный коврик — бумажками вроде листовок с рекламой пиццерий и домов престарелых или объявлений с предложениями заасфальтировать подъездную дорожку, которой у нее нет. Время от времени она окидывает критическим взглядом напечатанные на дорогой бумаге брошюры из домов престарелых, страницы которых пестрят фотографиями улыбающихся пожилых пар, поднимающих бокалы за свой счастливый переезд в «пятизвездочный отель» для стариков. Ничего хуже Юдора и представить себе не может. Она родилась в этом доме и намерена в нем же умереть — и чем раньше, тем лучше.

Женщина ее возраста не может не думать о смерти, но Юдора не помнит, чтобы чувство, будто старуха

с косой стоит у нее прямо за спиной, вообще когда-нибудь покидало ее. Она полагает, что отчасти это связано с тем, что она росла во времена Второй мировой войны. Тем не менее Юдору она никогда не пугала. Напротив, привычка человека отрицать смерть ее в некотором роде даже забавляет, но все же совершенно не удивляет. Люди слишком заняты: в бесконечном поиске какой-то истины, которую им никогда не найти, они не отрываются от экранов своих мобильных телефонов, лениво посмеиваясь над дурацкими видеороликами черт знает о чем и не обращая никакого внимания на мир и людей вокруг. Чего уж говорить о ней — ее они и подавно не замечают. Юдора Ханисетт — невидимка, но ей все равно. Она постаралась прожить свою жизнь как можно лучше и теперь готова сделать следующий шаг, готова отправиться в свой последний путь — или какие там еще эвфемизмы сейчас используют, чтобы избежать этого слова?

Смерть. Конец. Юдора ждет этого с нетерпением. Возможно, умерев, она попадет в какую-нибудь черную дыру, а возможно, если ей вдруг повезет, воссоединится со всеми людьми, которых она когда-либо любила. Этот список довольно короток. Юдора не понимает, зачем люди стремятся к тому, чтобы «иметь сто друзей». На днях она слышала по радио дискуссию о «токсичной дружбе» и о том, что подобные отношения следует прерывать. Ее главный совет — избегать таких людей. Беречь себя для самого себя. *«Не совать нос не в свое дело»*, как любила говорить ее мать.

Юдора не без труда поднимает упавшую на коврик почту и чувствует приятное удивление, когда обнаруживает среди рекламного мусора большой конверт со швейцарскими марками, на котором написано ее имя. Женщина снова испытывает чувство предвкушения, и на этот раз

вполне обоснованно. Она ждала его. Возможно, даже с нетерпением. Юдора кладет всю остальную почту на конверт и несет ее на кухню, а потом кладет на столешницу, как какой-то священный артефакт, заслуживающий уважения и благоговения. Она просматривает остальные бумаги. Ей адресовано еще одно письмо: бесполезная запись на очередной медицинский осмотр. Юдора понимает, что для Государственной службы здравоохранения поддержание ее жизни — это долг, но иногда ей просто хочется, чтобы ее оставили в покое. Она мечтает, чтобы у нее был способ формально отказаться от их вмешательства. Юдора отбрасывает извещение о записи в больницу и нерешительно стискивает конверт с письмом из Швейцарии. Взглянув на часы, она неохотно откладывает драгоценное послание в сторону. Она прочтет его потом, уделив ему все свое внимание.

Юдора собирает вещи и готовится выйти из дома. Ей нравится придерживаться какого-то ежедневного графика. Она, может, и устала от жизни, но сидеть весь день дома, прилипнув к креслу, как большинство ее ровесников, не собирается. Все ее движения замедлились, точно стрелки старых часов, но будь она проклята, если никак этому не помешает. Она всегда просыпается в восемь, а в десять уже выходит из дома. В мире слишком много разгильдяев, и пополнять их ряды Юдора не намерена.

Она берет сумку с плавательными принадлежностями и выходит на улицу. Яркий солнечный свет ослепляет ее, вызывая головокружение, но через несколько секунд ее фотохромные очки* затемняются, даря глазам тень

* Очки с линзами, которые темнеют и светлеют в зависимости от интенсивности УФ-излучения или светового потока. *Здесь и далее — примечания редактора.*

и комфорт. Юдора замечает, что табличку с надписью «Продается» у соседнего дома заменили на «Продан». Она ежится, с ужасом предвкушая появление новых соседей. Вот бы они держались особняком, как и предыдущие... Юдора замечает почтальона, переходящего от дома к дому, и избегает его взгляда. У них не очень хорошие отношения с тех пор, как год назад она обругала его за то, что он решил срезать путь, пройдя по ее саду и истоптав лилии, которые потом так и не зацвели. Раньше он, бывало, задерживался, чтобы поболтать с ней, но теперь даже не смотрит в ее сторону. Юдоре все равно. Он тогда повел себя бесцеремонно, и ему следовало на это указать.

Юдора двигается медленно, но с решительным упорством. Вскоре ее шаги приобретают устойчивый ритм: стук, топ, топ; стук, топ, топ. Она идет, опираясь на свою трость, или «третью ногу», как однажды назвала ее улыбающаяся соцработница. Девушку звали Рут, и она была полна энтузиазма. Юдора не разделяла ее восторга, но и возражать не стала. Рут была добра к ней, а в мире Юдоры подобное отношение встречалось нечасто, так что она старалась принимать его, когда у нее появлялась такая возможность.

Рут возникла в жизни Юдоры будто по волшебству. Это случилось в прошлом году, через день после того, как она упала. Вот Юдора идет по тротуару, а вот уже лежит на нем лицом, как на подушке. К сожалению, свидетелем этого инцидента оказался мужчина с двумя раздражающе твякающими собачонками, который настоял на вызове скорой помощи. Юдора попыталась доказать ему, что с ней все будет в порядке, если он просто доведет ее до дома. Но затем ее вдруг охватила паника: она захотела назвать свой адрес и не смогла его

вспомнить. Однако через мгновение у нее в голове прояснилось:

— Коттедж на набережной, Клифф-роуд, Уолдринг-филд, Саффолк.

Мужчина нахмурился:

— Саффолк?

— Да, — не отступилась Юдора.

Его лицо приобрело крайне доброе выражение:

— Я так не думаю, дорогая. Ведь мы на юго-востоке Лондона. Не в Саффолке. Я все же вызову скорую. Вы могли заработать сотрясение мозга.

Так все и началось: с поездки в машине скорой, которая вылилась в длительное ожидание в отделении неотложной помощи. Именно тогда Юдора испытала нечто вроде прозрения. Не то чтобы она сочла гнетущую атмосферу переполненной приемной травмпункта толчком к просветлению, но она прожила достаточно долго, чтобы знать, что жизнь никогда не перестает удивлять.

Искру озарения в сознании Юдоры зажгла почти беззубая старушка с волосатой родинкой на щеке. Она напоминала ведьму из детской сказки — с тем лишь отличием, что, когда она говорила (а после того как Юдора приняла сомнительное решение сесть с ней рядом, старушка только этим и занималась), ее слезящиеся глаза светились добротой.

— Недолго нам с тобой осталось, — крикнула она, взглянув на Юдору.

— Будем надеяться, — ответила та с вежливой улыбкой. — Хотя сегодня здесь многовато народу. Боюсь, нам с вами все же придется подождать.

Старушка покачала головой:

— Я не про очередь, балда. Я имею в виду, что жить нам осталось недолго.

В другой ситуации Юдору задело бы это замечание, но тогда она будто ощутила, что эта странная маленькая старушка — ее родственная душа.

— Ну и это тоже, — признала она. — Однако, к сожалению, над такими вещами мы не властны.

— Я подумывала убить себя, — бросила ее собеседница с такой легкостью, словно рассказывала, что планирует съесть на обед.

— Боже милостивый!

Старушка посмотрела на Юдору с явным удовольствием:

— Даже не делай вид, что не думала об этом. Эта мысль приходит всем старикам.

Юдора против собственного желания вспомнила весь ужас, который испытала в прошлом.

— Вот еще, — сказала она, выпрямившись на стуле.

— Поберегись! — крикнул ворвавшийся в приемную врач, толкая с помощью коллеги каталку, на которой лежал пожилой мужчина. Вдруг из ниоткуда появилось множество других медиков. Больного везли по коридору, а они проверяли его жизненные показатели. — У него остановка сердца!

Все в зале ожидания, казалось, затаили дыхание, когда процессия исчезла в глубине коридора.

— Неужели ты хочешь кончить, как этот старый бедняга? — спросила женщина, похлопывая Юдору по руке. — Чтобы, пока ты отходишь в мир иной, тебя без конца тягали и переворачивали. Уж лучше взять все в свои руки.

— Но как? — спросила Юдора, когда ее любопытство пересилило страх.

Старушка постучала себя по носу и подмигнула, а потом, покопавшись в своей сумке, ремешок которой

был перекинут через ее плечо, словно автомобильный ремень безопасности, протянула Юдоре свернутую брошюру. Та брезгливо приняла ее, чувствуя себя так, будто ей вручили грязный носок.

— Звякни им.

— Элси Хоулетт! — позвала медсестра.

Старушка медленно поднялась на ноги.

— Береги себя, Юдора, — сказала она и пошла вперед не оглядываясь.

Лишь много времени спустя, уже сдав все анализы, проконсультировавшись у докторов, глаза которых покраснели от бесконечной работы, и поговорив с беззаботными медсестрами, Юдора поняла, что не называла Элси своего имени. Она предположила, что та, должно быть, подслушала ее разговор с фельдшером. Вопреки здравому смыслу и из-за того, что ей нечего было делать, Юдора прочитала брошюру от корки до корки. После этого ее мозг заработал с невероятной скоростью, и в ее сознании, подобно салютным залпам, стали одна за другой возникать мысли. Когда доктор заговорил с ней, сочувственно заламывая руки — вероятно, из-за того, что ей было невероятно много лет, а лекарства от старости у него не было, — в ее голове словно щелкнул переключатель. Она приняла решение. Когда ей наконец сообщили, что осмотр окончен, она, прижав брошюру Элси к груди, обратилась к одной из медсестер:

— Простите, я хотела узнать, могу ли я увидеть Элси Хоулетт, пожалуйста?

Лицо девушки вытянулось.

— Вы родственница?

— Нет. Я... — Юдора сделала паузу, подыскивая подходящее слово, — подруга.

Медсестра заговорила, глядя куда-то ей за спину:

— На самом деле я не имею права разглашать личную информацию пациентов лицам, не являющимся их родственниками.

— Ох, верно. Что ж, тогда я ее сестра.

Утомленная медсестра выдавила полуулыбку:

— Мне очень жаль, дорогая. Эlsi скончалась около получаса назад.

— О, — произнесла Юдора, комкая брошюру. — Так она умерла...

Медсестра дотронулась до ее плеча:

— Да. Мне очень жаль.

Юдора посмотрела ей в глаза:

— Не нужно. Она была готова уйти.

Медсестра неуверенно кивнула:

— Берегите себя.

По пути домой Юдора жмурилась от светящего в окна больничного автобуса сомнительной комфортности осеннего солнца, чувствуя себя так, будто заново родилась. Государственная служба здравоохранения взяла ее в ежовые рукавицы благожелательности, но на ее стороне были мудрость и свирепая решимость Эlsi. Она не могла представить себе более могущественной силы.

Рут была одной из длинного списка людей, полных решимости любой ценой продлить существование Юдоры. Она появилась на пороге ее дома дождливым октябрьским днем. Юдора не могла выйти на улицу уже почти неделю и была до ярости расстроена тем, что ее суставы

напрочь отказываются слушаться. Рут подарила ей трость, и Юдора неожиданно почувствовала, как ее накрывает волна нежности к этой женщине. Этот подарок стал для нее буквально даром небес. Юдора снова была свободна, и для нее распахнулись двери во внешний мир. Она могла начать воплощать свою задумку.

Чувство симпатии мгновенно исчезло, когда Рут извлекла из сумки папку с ручкой и стала заполнять очередной бланк.

— Ю-до-ра Ха-ни-сетт, — выговаривала она, записывая.

— С двумя буквами «т», — уточнила Юдора. Люди коверкали ее фамилию всю ее жизнь.

— Вы живете одна, Юдора?

Она предпочла бы «мисс Ханисетт», но все же сумела подавить разочарование:

— Да.

— У вас есть родственники?

— Нет.

Выражение лица Рут стало сочувствующим:

— Друзья?

— У меня есть кот.

Соцработница взглянула на растянувшегося на спинке дивана ленивого пушистого толстяка, которого Юдора использовала в качестве отговорки, и улыбнулась:

— Полагаю, от него мало помощи, когда дело касается уборки и походов за покупками.

Сказав это, Рут надеялась развеселить Юдору, но эти слова лишь спровоцировали у нее защитную реакцию.

— Я справляюсь, — твердо сказала она.

— Я не сомневаюсь, что так и есть, — лишь хочу, чтобы вы знали: мы предлагаем всестороннюю поддержку. Я могу связать вас с агентствами, которые оказывают

помощь с уборкой и стиркой, или даже назначить человека, который будет заглядывать к вам каждый день.

Юдора уставилась на соработницу с таким лицом, будто та предлагала ей устроить оргию:

— Мне вовсе не нужна помощь. Спасибо.

Рут понимающе кивнула. Этот кивок означал, что подобные слова от стариков вроде Юдоры она слышала уже бесчисленное количество раз:

— В любом случае, пожалуйста, помните, что, если вам понадобится помощь, мы всегда рядом. Я оставлю вам свою визитку на случай, если вы передумаете.

Как только Рут ушла, Юдора сразу же выбросила карточку в мусорное ведро. Монтгомери — ее кот — обвился вокруг ног женщины, не давая ей двинуться с места, и громко замыкал, требуя еды.

— Нам с тобой никто не нужен, верно, Монтгомери? — сказала Юдора, наполняя его миску кошачьим кормом. Она поставила ее на пол и попыталась почесать кота за ушами, но, когда он цапнул ее за руку, оставила эту затею.

Стоит ей дойти до развлекательного центра, в Юдоре рождается чувство признательности за то, что членство в плавательном клубе гарантирует ей некоторую анонимность. У нее есть карточка, благодаря которой ей не нужно задерживаться на стойке регистрации. Единственная проблема заключается в том, что приходится проходить через турникет. Юдора ненавидит и презирает все современные технологии; она даже хотела отказаться от абонеента, когда на входе установили этот

ужас. Тем не менее она с легкостью научилась проводить карточкой по сканеру турникета, и теперь путь к раздевалке не требует от нее никаких усилий. Юдора, как всегда, переодевается в своей любимой кабинке и, сложив вещи в свой любимый шкафчик, направляется к бассейну, кивая пловцам, которых видит каждую неделю, — разговаривать с ними ей, к счастью, не приходится. Окунувшись, она старается не обращать внимания на прохладу воды и, проигнорировав замечание жизнерадостной девушки насчет ее температуры, наконец предается блаженству. Бассейн — единственное место, где Юдора испытывает нечто вроде радости. Какое-то время она чувствует себя невесомой, а мучающая ее боль отступает. Она всегда была отличной пловчихой и даже теперь скользит по воде с той же легкостью, что и в подростковом возрасте. Боль не исчезает совсем, но, когда Юдора расправляет плечи и начинает плыть, отходит на второй план.

Плавать она недолго — около получаса, — но этого достаточно, чтобы почувствовать то, что ей так необходимо: стремление к жизни и готовность прожить еще один день. Выйдя из бассейна, она берет свою трость и направляется в раздевалку, ощущая, как на нее вновь наваливается неизбежность реальности.

Юдора выходит из развлекательного центра и замечает двух женщин, которые спорят из-за парковочного места. Воздух вокруг них буквально плавится от обилия ругательств. Не в силах скрыть свой ужас, Юдора смотрит на них разинув рот. И когда только мир стал таким громким и злым? Одна из спорящих женщин замечает ее.

— Какого черта пялишься, карга? — рычит она.

Будь Юдора помоложе, она, вероятно, нашла бы, что ей ответить, — посоветовала бы не дерзить старшим

и относиться к ним с уважением. Но это время давно прошло. Юдора понимает, что грубиянка непредсказуема и одними словами ее не убедить. Старость делает тебя уязвимым. Ты хрупок, как хрустальный бокал, который находится в постоянной опасности разбиться.

— Извините, — бормочет Юдора, склоняя голову и устремляясь прочь. Она идет так быстро, как только может. Один из самых неприятных аспектов старения — это замедление темпа жизни. Лет до семидесяти Юдора еще могла сделать замечание тут, поспорить там, но дни замечаний и споров давно закончились. Теперь, во времена, когда все бесконечно спешат, спешат, спешат, она стала не нужна.

Юдора незаметно бросает взгляд через плечо. Дамочки все еще ругаются. Вышедший на парковку сотрудник развлекательного центра пытается урезонить спорщиц, из-за которых уже собралась очередь сигнализирующих машин. Юдора замечает, что у нее дрожат руки, и решает зайти в магазин, который находится на середине пути к ее дому. Хотя ее и не радует большинство аспектов современной жизни, она не может не восхищаться минимаркетами, которые в последнее время открылись почти на каждой большой улице. Они комфортны, удобно расположены и достаточно велики для того, чтобы сохранить ее анонимность, а еще, что обнадеживает, в них обычно есть охранник.

Юдора кивает этому напоминающему медведя громиле. Он, скрестив руки, стоит у входа, вдыхая священную прохладу замороженных продуктов. Она твердым шагом идет к холодильнику, берет пакет молока и неожиданно оказывается перед витриной с выпечкой.

Когда Юдора была маленькой, ее мать даже мысли не допускала о покупных тортах. У них дома всегда

можно было полакомиться домашним бисквитом или фруктовым пирогом, а зачастую даже тарталетками с лимонным кремом, приготовленными из остатков теста. Глаза Юдоры останавливаются на упаковке чего-то напоминающего пирожки с яблоком. В ее голове проносится воспоминание, следом за которым накатывает неожиданная волна спокойствия.

Она берет с полки упаковку с пирожками и как можно быстрее несет ее на кассу, чтобы не передумать.

Юдора продолжает свой путь домой, укрепив обретенное в бассейне чувство покоя и испытывая тайную радость от незапланированной покупки. Свернув за угол, она оказывается на своей улице, где ее неожиданно пугает пара небольших собак, которые с лаем начинают кружиться вокруг нее, путая ей ноги своими поводками.

— Чейз! Дейв! Ко мне, сейчас же!

Псы отскакивают от Юдоры, освобождая ее от пут. Она хмуро смотрит в лицо их хозяину.

— Мне очень жаль, мисс Ханисетт, — говорит он. — Простите мне мой французский, но эти двое — те еще засранцы. Вы в порядке?

Юдора испытывает смешанные эмоции. Ее раздражение смягчается тем, что он называет ее «мисс», но усиливается из-за его ругательств и юго-восточного акцента. Вдобавок Юдора понятия не имеет, кто этот человек. По его внешнему виду она определяет, что он на несколько лет моложе ее, может лет на пять. Он седовлас и довольно элегантно одет: на нем клетчатая голубая рубашка и выглаженные иссиня-черные брюки. В уголках его глаз Юдора замечает веселые морщинки. Она никогда не доверяла людям с такими морщинками.

— Я в порядке, спасибо. Мы знакомы?

Мужчина с улыбкой протягивает руку:

— Стэнли Марчем. Это я в прошлом году поднимал вас с тротуара, когда вы перебрали.

Юдора смотрит на него, не скрывая ужаса. Он смеется:

— Шучу. Но это правда я помог вам, когда вы упали. Как вы чувствуете себя сейчас?

Юдора улавливает в его голосе беспокойство и сочувствие, и ей хочется сбежать:

— Прекрасно как никогда. Спасибо. А теперь, если вы меня извините...

Стэнли кивает:

— Конечно. Во столько мест еще нужно заглянуть, столько людей увидеть.

— Да уж немало, — фыркает Юдора. — Хорошего дня.

— Смотрите под ноги.

Когда Юдора заходит домой и закрывает за собой дверь, ее накрывает волна усталости. Она заваривает чай и делает бутерброд, относит их в гостиную, а потом с облегчением опускается в кресло.

Она просыпается через несколько часов: чай уже давно остыл, бутерброд подсох, а конечности наполнила усталость. В последние дни сон совсем не добавляет ей энергии — лишь помогает дождаться следующей передышки. Когда ее разум окончательно просыпается, она вспоминает про письмо из Швейцарии и пирожки с яблоком. Этого оказывается достаточно для того, чтобы она встала с кресла и принесла все это, а еще заварила себе свежий чай. Пока Юдора суется на кухне, ей в голову приходит кое-какая мысль. Порывшись в одном из ящиков, она наконец находит то, что искала, — свечки. Вернувшись в гостиную, она втыкает одну из них в пирожок и чиркает спичкой. Пламя освещает

рамку с фотографией: на снимке запечатлены родители Юдоры, между которыми втиснулась она сама в пятилетнем возрасте.

— С днем рождения, Юдора, — шепчет она, прежде чем задуть свечу и безмолвно загадать желание.

Она вынимает свечу и берет пирожок так, чтобы было удобно кусать. Он оказывается ужасно сладким, но она голодна, так что съедает половину, не успев выпить ни глотка чая, который разбавил бы сладость. Юдора вытирает ладони и рот платком и берет в руки письмо. Вот то, чего она так ждала. Вот ее именинный подарок.

Она достает нож для писем, принадлежавший ее отцу. Он сделан в виде небольшого серебряного меча. Юдора помнит, как он заворачивал ее в детстве, хоть ей и не позволяли прикасаться к нему. Она вскрывает конверт и вынимает из него пачку скрепленных степлером листов. Ее сердце бешено бьется, когда она читает заголовок:

Клиника Lebenswahl предлагает вам выбор и смерть, достойную прожитой вами жизни.*

Юдора кусает недоеденный пирожок, переворачивает страницу и начинает читать.

1940 год, чайный магазин Lyons, Пикадилли

— Выбери все что хочешь. Что угодно. — Глаза Альберта Ханисетта сияли от предвкушения.

— Ты уверен, папа? Разве нам не нужно соблюдать умеренность? — Юдора увидела эти слова на плакате.

* «Жизненный выбор» (нем.).

Она не знала, что они значат, но звучала эта фраза солидно.

Отец рассмеялся. Его смех был громким и теплым. Когда Юдора слышала его, она будто чувствовала отцовские объятия.

— Дорогая Дора, — сказал он. — Моя милая, добрая девочка. Не переживай. Я только сегодня утром звонил мистеру Черчиллю, и он сказал, что в честь дня рождения тебе разрешено особое угощение.

Юдора хихикнула:

— Тогда можно мне, пожалуйста, пирожное и стакан кордиала?

— Отличный выбор, — заверил ее Альберт, кивая официантке, чтобы сделать заказ.

Юдора выпрямилась на стуле и, сложив руки на коленях, оглядела других посетителей. Если бы не пара мужчин в военной форме, можно было бы даже забыть о том, что сейчас идет война. Она восхищенно рассматривала аккуратно одетых женщин с шикарными прическами. Девочка разгладила собственный мятый наряд — мешковатое клетчатое платье с уродливым воротничком, которое мать сшила ей из старой скатерти.

Юдора, конечно, никогда не сказала бы этого вслух, но ей казалось, что война — это захватывающе. Мысль о том, что солдаты героически сражаются за свободу, а мистер Черчилль ведет их к победе, будоражила ее как ничто другое. Через некоторое время после начала войны родители отправили Юдору к дяде ее матери в Саффолк, но вскоре решили, что ей будет безопаснее вернуться в Лондон. Девочка была уверена, что скоро война закончится, а их с родителями жизнь станет такой же счастливой, как и раньше.

Через мгновение официантка вернулась с заказом, и, когда Юдора заметила, что в пирожное вставлена свечка, жизнь показалась ей сказкой.

— С днем рождения, — сказала официантка, ставя перед ней тарелку.

— Спасибо, — ответила Юдора.

— С днем рождения, Дора, — сказал отец. — Загадывай желание.

Юдора задула свечу и закрыла глаза. *«Я желаю... Я желаю... Я желаю, чтобы этот момент длился вечно».*

В ответ раздался визг сирены, сообщающий о воздушной тревоге. *«Может быть, сегодня за желания отвечает Гитлер»*, — думала Юдора, пока отец за руку вел ее в бомбоубежище. Он сжимал ее ладонь почти до боли, но девочка не возражала, потому как знала, что с ним она в безопасности. С ней ни разу не случилось ничего плохого, когда рядом был Альберт Ханисетт. В полумраке подвала он притянул ее ближе и чмокнул в макушку.

— У меня для тебя сюрприз, — сказал он, доставая из огромного кармана своего пальто что-то завернутое в салфетку.

— Мое пирожное! — обрадовалась Юдора. — Спасибо, папа.

— С днем рождения, Дора.

— Хочешь кусочек? — спросила она.

Когда отец ответил, девочка поняла по его голосу, что он улыбается:

— Нет. Кушай сама. Это тебе за то, что ты была такой хорошей девочкой. Ты делаешь нас с мамой очень счастливыми.

Юдора прижалась к отцу, смакуя каждый кусочек пирожного. Кисло-сладкий вкус повидла напомнил ей о том, как она собирала яблоки в саду дядюшки Джона.

— Жалко, что мама не пошла сегодня с нами, — сказала она, доев пирожное и вытирая рот салфеткой.

— Вообще-то я как раз хотел с тобой об этом поговорить. — Юдора молча уставилась на отца. В его голосе слышались нотки осторожности. В бомбоубежище стало жарко, и от этого покалывало кожу. — Видишь ли, мама сейчас очень устает, потому что носит в животике малыша.

Юдора застыла, не зная, как на это реагировать. Отец, казалось, почувствовал это:

— Тебе абсолютно не о чем беспокоиться — все будет замечательно. У тебя появится новый друг для игр, который никогда тебя не бросит.

Его слова убедили Юдору. Все это звучало неплохо. У большинства ее школьных друзей были братья и сестры, и иногда ей тоже хотелось этого.

— И конечно же, этот малыш станет самым счастливым ребенком в мире, потому что ты будешь его старшей сестрой.

Юдора опустила голову отцу на грудь, вдыхая исходящий от него запах табака.

— И еще кое-что. — Снова нотки осторожности. Юдора затаила дыхание. — Я должен ненадолго уехать.

— Куда? На сколько? Когда ты вернешься? — она засыпала его вопросами.

Отец прижал Юдору к себе. Ей стало дурно.

— Этого я точно не знаю, как и не знаю, сколько времени займет моя поездка. Поэтому мне нужно, чтобы ты была очень храброй и позаботилась о маме с малышом, пока меня не будет.

В ее голове теснились вопросы. *«Но почему именно сейчас? Почему ты не говоришь, надолго ли это? Почему не знаешь, когда вернешься? Почему не обещаешь, что все*

будет хорошо?» Юдора плотно сжала губы, чтобы остановить поток слов, потому что знала, что отец ни за что не станет ей лгать, и потому что больше всего на свете боялась услышать правду.

Прозвучал сигнал, что небо чисто, но Юдора с отцом не двигались, пока не остались одни. Он крепко прижимал ее к себе. Спустя годы она осознала, что, вместо того чтобы утешить своего ребенка, Альберт Ханисетт, прекрасно понимавший, насколько неопределенно их будущее, сам цеплялся за нее, как за спасательный круг.

— Так ты присмотришь за мамой и малышом вместо меня? Пожалуйста.

Юдора взглянула отцу в лицо. Ей показалось, что в его глазах сверкнули слезы, но потом девочка решила, что это лишь игра света.

— Конечно, папа. Я присмотрю за ними, а когда ты вернешься домой, мы сможем делать это вместе.

Отец кивнул, а затем поспешил подняться и поднять ее:

— Дора, ты чудесная девочка. Я знал, что могу на тебя положиться.

Когда они, шурясь из-за яркого света, вышли наружу, Юдора оглядела улицу. Все было точно так же, как и час назад. Взглянув в окно чайного магазина, она увидела, что за их с отцом столиком сидят две женщины, как ни в чем не бывало пьющие чай и едящие бутерброды. По улице с гулом ехали автобусы и такси, мимо сновали люди, продолжая спешить по своим делам. Все было как обычно.

Однако пока отец, взяв девочку за руку, вел ее по Пикадилли, она чувствовала, что изменилась каждой клеточкой своего существа. Повзрослев, Юдора поняла,

что именно тогда закончилось ее детство. Если бы тогда она знала о том, какие темные времена ждут ее впереди, то, вероятно, умоляла бы отца вернуться в бомбоубежище и остаться там навсегда.

[Почитать описание, отзывы и купить на сайте МИФа](#)

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

